

УДК 811.161.2'27+232.1(477)

Объективность языковой истории как решающий фактор социальной стабильности (уроки политического кризиса на Юго-Востоке Украины)

Владимир Иванович Мозговой

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ
ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ МЕНЕДЖМЕНТА И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА
ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
e-mail: mowi48@mail.ru; kafedra.mxp@mail.ru

В статье рассматриваются истоки языковой истории Донбасса, знание которой даёт возможность оценить объективность политических мероприятий с точки зрения их соответствия интересам населяющих его народов. Подвергаются критике факты игнорирования высшим управленческим звеном новейшей истории Юго-Востока Украины.

Ключевые слова: языковая история, роль личности, национальный язык, общение и общность.

Постановка проблемы. При анализе тех или иных общественно-политических процессов, происходящих в переломные эпохи и кардинально влияющих на социум, чаще всего обращаются к последовательности значимых фактов и событий, инициируемых личностями, находящимися во властных структурах или стремящимися к ним. Оценка роли личностей в истории якобы напрямую зависит от результатов их внешней и внутренней политики в государствах или на подвластных им территориях [1].

В этой, казалось, бесспорной парадигме есть, однако, определённая неточность, связанная с преувеличенным отношением учёных, политиков и общества в целом к следствиям и последствиям личностно ориентированных фактов в рамках востребованной на данном этапе государственной идеологии, покрывающей вуалью объективные причины конкретных исторических событий и процессов. Тем более не могут быть убедительными традиционные приёмы интерпретации истории конкретного региона, не имеющего чётких, оконтуренных границ, ибо она растворяется в истории государств и лич-

ностей, подверженных узконациональным или узкопартийным интересам.

Таким образом, в обоих случаях объективность созидательных порывов народных масс как конкретных движителей истории, которые априори должны соответствовать социальной стратегии развития цивилизации, сужается до размеров субъективной воли или прихоти авторитарной личности. Социум как высший смысл существования цивилизации и цель сотворения идеального миропорядка постепенно превращается в абстрактного статиста, испытывающего мощное и непредсказуемое давление, становясь объектом манипуляций вождей разного уровня.

К этому парадоксальному, на первый взгляд, выводу подталкивает вся новейшая история большинства постсоветских государств. Особенно он актуален для современной истории Донбасса — развитого в промышленном, экономическом и культурном отношении региона, разрушенного и подавленного волей политической элиты в ходе так называемой антитеррористической операции (АТО).

Это противоречие между языковой историей региона и целями государственной управленческой элиты большинство граждан Юго-Востока Украины заметило ещё в начале конфликта, сформулировав его в виде обращения «простого донбассовца» к властным структурам: «...Усиливающаяся эскалация антитеррористической операции, превратившей некогда могучий и самодостаточный регион в театр военных действий, всё больше развеивает... наши надежды на её свёртывание и постепенно расшатывает уве-

ренность в правильности государственного курса. Мы хотели жить и работать, учить и учиться, воспитывать детей, творить и созидать будущее для себя и страны, полагая, что в ней станет жить лучше, комфортней и спокойней. Нам казалось, что государство — это мы, и поэтому его благополучие считали высшей целью своей жизнедеятельности.

Неужели мы ошиблись и превратились в заложников игроков, купивших власть по праву олигархов... и готовых её продать за ещё большую цену другим игрокам?

Неужели наш мудрый народ стал цинично использоваться в развязанной для этого войне как разменная монета? За чьи и за какие интересы мы сражаемся?

Может быть, за единство? Но война во имя «неделимой Украины» стала лишь средством увеличения дивидендов тех, кто её оплатил! Именно для этого долгие годы выпячивались «несоответствия» украинской и русской культур, истории, традиций... И вот почему нас в конце концов захватил Майдан, трансформировавшийся в унижение достоинства органов конституционной власти в регионах Западной Украины и легализацию полувоенных формирований «Правого сектора», «Днепра», «Айдара» и прочее, и прочее...

Может быть, мы сражаемся за федерализацию? Но регионы в этой войне первыми пострадали морально и физически, а сила и могущество регионально-олигархической элиты выросла до размеров вседозволенности. Каждый диктатор, признанный и непризнанный лидер местного или общегосударственного разлива имеет сегодня свою армию, безнаказанно «вершит правосудие» и обладает мандатом на жизнь и смерть, пренебрегая всеми нормами морали в «своей» области или «республике».

Может, мы отстаиваем свой язык? Но право говорить и думать на родном языке, исповедовать те или иные культурные ценности и идеалы дано Богом. Язык — объективная реальность, которая не зависит от того, что думает по этому поводу недоучившийся чиновник, политик или депутат. Его статус не «провозглашают», а фиксируют как данность в качестве наивысшего достижения культуры и неотъемлемого права человека или национально-языковой общности на свою самобытность. И в этой «данности» и украинский, и русский языки, не представляя конкретную национальную общность и определённый регион, абсолютно понятны большинству населения страны и реально функционируют на всей территории Украины как государственные (а украинский ещё и как офици-

альный, представляющий Украину на международном уровне). И вот почему попытка втиснуть их в прокрустово ложе языка национальностей, регионального или официального языка обречены на провал и могут вновь спровоцировать регионально-языковые „войны“ [6].

Цель статьи — оценить объективность политических мероприятий высшего управленческого звена и фактов «строительства» новейшей истории Украины (прежде всего, её Юго-Востока) с точки зрения их соответствия языковой истории и интересам населяющих её народов.

Первично языковая история Донбасса была связана не с природно-географическими условиями (высокая концентрация полезных ископаемых в пределах Донецкого горного кряжа), но прежде всего с экономическими отношениями между Востоком и Западом на пересечении торговых интересов так называемого Великого шёлкового пути. Уже с этих пор начали складываться предпосылки для формирования представления о Донбассе как о символическом симбиозе духа населяющих его народов, преодолевших внешнюю ограниченность и шагнувших на просторы внутренней свободы и развития. Территория Донецкого кряжа всё более утрачивала свой природно-географический смысл и приобретала этнопсихологический пафос — как явление со специфической языковой историей, простирающееся до не поддающихся измерению границ великого Дикого поля. В этом смысле Донецкий край, олицетворяя степную вольницу, притягивал к себе огромные людские ресурсы из сопредельных регионов, государств и земель, способные аккумулировать наиболее авантюрные и неординарные идеи новой генерации предпринимателей, промышленников, рабочих, культурной, научной, образовательной и политической элиты [8].

Постоянно пульсирующая пассионарная среда требовала новых и новых толчков для развития языковой истории, измеряемой веками и тысячелетиями в пределах генерирующей идеи, рождающейся в тот или иной период. В этом смысле языковая история Донбасса прошла несколько условных этапов своего формирования и развития [4].

1. Этап «вольной» языковой истории, связанный со стихийностью межкультурного диалога русско-украинско-тюркских языковых культур (с древнейших времён до XVIII в.), который завершился подписанием Кючук-Кайнаджирского (1774 г.), а затем Ясского (1792 г.) мира между Россией и Турцией. На этом этапе произошло окончательное закрепление Дикого поля за Российской империей, чего настоятельно тре-

бовала многоликая идеология Степи. Её постоянная изменчивость, с одной стороны, нуждалась в объединяющем порыве («...экономико-географическое единство региона, в котором сочетались зональные и азональные (речные долины) ландшафты, определяло необходимость создания целостной хозяйственной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую» [2, с. 171]), а с другой, «...эта урожайная равнина была благоприятной для земледелия, но одновременно она служила отличным пастбищем для стад номада. Именно это обусловило отсутствие чёткой пограничной линии между заселённой территорией и так называемым «Диким полем». Эта линия была очень изменчивой и динамичной. Если быть точным, то о линии вообще не может быть и речи, а разве что о... широком поясе пограничных земель» [3, с. 4].

В таких диалектических условиях жизнедеятельности вряд ли можно было говорить о превосходстве какой-то одной языковой общности. Регионально разнородный языковой материал в конце концов должен был использоваться в диалоге созидания, а не разрушения. В таком многовекторном и многоязыковом общении рождалась новая культурно-психологическая генерация жителя степной зоны — казака, степняка-ордынца, москаля.

2. Этап «промышленной» языковой истории, связанной с осознанно принятой идеологией индустриального взаимодействия (общения) с европейскими культурно-языковыми ценностями, начало промышленного освоения Донбасса (с конца XVIII в. до 1917 г.). На последнее обстоятельство особенно чётко указывал профессор русской истории Гарвардского университета Ричард Пайпс: «Достаточно будет взглянуть на основные отрасли тяжёлой промышленности, созданные в России в конце XIX века, чтобы увидеть, какую решающую роль сыграли в их развитии иностранцы. Современную угольную и сталелитейную промышленность Донбасса и Кривого Рога основали англичане, а финансировалась она совместным английским, французским и бельгийским капиталом» [7, с. 288]. Добавим к его чисто исторической оценке новый языковой штрих: в сознании жителя Юго-Востока, независимо от его национальности или религии, постепенно укоренилось понятие «донбассовца», общение которого и его психологическая оценка действительности проходила в русско-украинской (малоросской) парадигме.

3. Этап «идеологической» языковой истории, связанный с интернациональным характером межкультурного диалога в советской куль-

турно-языковой общности (1917 — 1991 гг.). Он, несмотря на коммунистическую нетерпимость и заангажированность, наиболее полно раскрылся в Донбассе, где характер опасного труда на угольных и металлургических предприятиях требовал воспитания у их работников особого культурно-языкового характера и формирования среды обитания на основе коллективизма, взаимоподдержки и общего понимания ситуации. Донбасс стали осваивать не только и не столько «далёкие иностранцы» из Западной Европы, сколько огромное количество наций и народностей, проживавших на территории всего Советского Союза. Более 130-ти национальностей заселили тогда Донецкий край, удивительным образом сплотившись психологически и духовно не вокруг какой-либо одной коренной нации или одного территориально-государственного образования, а вокруг идеологии сосуществования, взаимообогащения, неограниченной внутренней свободы созидания и творчества. Донбасс постепенно становился регионом со своей собственной культурой, аккумулирующей элементы и традиции любого национального образования, попадающего в его орбиту. Здесь стали проживать украинцы и русские, белорусы и евреи, греки и татары, турки и гагаузы, болгары и молдаване, грузины и армяне, азербайджанцы, немцы, урумы, волохи, поляки и многие другие, втянутые волею судеб в процесс освоения степного края. В созидательном порыве народов стала выкристаллизовываться общая доминанта понимающего взаимодействия на основе русского языка, обогащённого элементами многих культур интернациональной общности.

Тысячелетней истории Донецкой Степи, казалось, не будет конца... Она бесконечно рождалась, формировалась, развивалась и шлифовалась в миллионах разновекторных эпизодов человеческого общения, созидającego свою, ни с чем не сравнимую картину языковой истории Донбасса.

Однако конец второго тысячелетия внёс существенные коррективы в историческую судьбу региона. Межцивилизационные жернова истории представили миру новое видение человеческих взаимоотношений, больше всего ударивших по СССР и Европе и уродливо обнажившихся своими острыми углами на Юго-Востоке Украины и в Донбассе. Для них начались перипетии, связанные с критическим осмыслением уз некогда созидательной общности...

4. Этап субъективного отторжения сложившейся языковой истории Донбасса ознаменовался попытками навязать ему идеологию и

культурно-языковые нормы западных регионов Украины (начиная с 1991 г.): идеализацию унитарности, национальной ограниченности, культурной и языковой однотипности; политику превосходства «украинской» конфессиональности, психологию сельского собственника, истеричного русофобства и идеологической нетерпимости. По мнению авторов такой доктрины, она должна была сплотить весь народ Украины в едином порыве для строительства национального государства. Но произошло всё с точностью до наоборот. В известном смысле этот период стал антиэтапом, противопоставившим развитию Донбасса план его разрушения с попыткой узаконить авторитарный механизм управления, пренебрегающий опытом созидательной языковой истории:

- неограниченной во времени и пространстве внутренней свободой — её стали ущемлять идеей унитарности;
- внутренне иницирующими мотивами внешней и внутренней политики — их подавляли силой и возможностями центральной власти;
- вольным духом во многоликкой конфессиональной среде с признанием приоритетности русского православия — его расчленили каноны украинской парафиальности;
- межнациональной общностью как залогом индустриального развития на основе общепринятых норм русско-украинского общения с беспрепятственным влиянием на них других языковых культур — их расчленили понятиями государственного, официального, регионального языков и языков национальных меньшинств;
- построением общности, активно вбирающей в себя потенциал разных языковых культур из внутреннего и внешнего окружения, — её ограничили средневековыми стенами изолированной «незалежности»;
- развитой психологией товарищеской взаимопомощи, необходимой для коллективного труда на промышленных и индустриализированных сельскохозяйственных предприятиях — её уничтожили пропагандой истинно «национального» сознания украинского сельского собственника.

Впрочем, апологеты унитарной Украины и всеохватности украинской идеи исподволь стали их могильщиками. История языковой вечности народа не могла долго подменяться эпизодом узконациональной исключительности — противопоставление украинской идеи другим культурно-языковым мирам сыграло злую шутку с самой украинской государственностью. Она превратилась в очаг нападков на её конституционную унитарность. Апогеем антигосудар-

ственных конфликтов стали Крым и Донбасс, многовековая и многонациональная языковая история которых никак не вписывалась в текущие идеологические постулаты «национальных лидеров». Доктрина украинской исключительности, которая требовала непрерываемого подчинения ей всех и вся, разрушилась сначала при отсоединении автономного Крыма, а потом при активизации движения за федерализацию на Юго-Востоке. Между тем у власти вместо выработки плана кардинального пересмотра своей неудавшейся политики сработал инстинкт самосохранения средневекового американского колониста — внедрить в сознание украинских граждан мысль об уникальности украинской идеи любой ценой, даже силой «биты и штыка». Для этого на основе Майдана быстро соорудили полувоенные подразделения, влившиеся в армию, и развернули их в АТО, совсем скоро переросшую в крупномасштабную войну с наиболее густонаселённым и амбициозным регионом.

Естественно, донбассовцы, в генах которых бурлила вольная кровь древней Степи, были «...обескуражены ситуацией, когда в некогда единой стране складывается и развивается атмосфера нетерпимости к чужому мнению, языку или региональной принадлежности...», и «...поражены средневековой дикостью «исправления» идеологических «ошибок», представленных, как правило, в поступках и убеждениях молодого поколения, при помощи автомата» [6].

Пренебрежение языковой историей Донбасса дорого будет стоить Украине. Синдром неделимости государства, поддержанный штыками, скорее всего, изолирует её от цивилизованного мира, поскольку насильственное уничтожение уникальной языковой истории современного Донбасса никак не сравнимо, скажем, с уничтожением коренных жителей Америки — индейцев.

Парадокс Донбасса состоит в том, что, в отличие от Америки, в многочисленных конфликтах, которые происходили на этой земле, никто никакие народы не уничтожал и никакие народы никуда бесследно не исчезали. «Соотношение сил, существовавшее между англосаксонскими американцами и индейскими туземцами, было совсем иное, нежели между украинским и тюркскими народами. В случае Америки движение экспансии на запад было непрерывным и бесповоротным. Зато в случае Украины граница на протяжении веков колебалась то в одну, то в другую стороны. Славянская хлебоборбская колонизация неоднократно шла в сторону Дикого поля, пытаясь стать твёрдой ногой на берег Чёрного моря; это были завоева-

ния как плуга, так и меча. Однако эти передовые позиции земледельческой культуры периодически захлёстывали волны номадизма» [3, с. 4–5].

Таким образом, это были специфические войны за выполнение условий негласного договора о взаимопроницающем единстве Леса со Степью, земледельцев-славян с тюрками-кочевниками, обеспечивающем мощный, исполненный молодых амбиций экономический и культурный симбиоз наций и народностей степной зоны Юго-Востока, предоставившем безграничные возможности для их самосохранения и саморазвития. Впрочем, это же чувство самосохранения исключало попытки насильственного завоевания территорий. Бытующее здесь выражение «Донбасс никто не ставил на колени» отнюдь не аллегория. «Освобождение» Донбасса от донбассовцев — это задача не только нелёгкая, но и невыполнимая, о чём свидетельствует теперь уже современная история эскалации АТО, завязшей в донецких степях...

Выводы. Анализ текущей политической ситуации в Украине доказывает, что системный кризис в Украине, эскалация которого достигла размеров гражданской войны, чреват разрушением государственности. Он во многом спровоцирован незнанием высшим руководством страны особенностей её региональной и национально-языковой истории.

Под языковой историей следует понимать процесс формирования национального языка как средства общности [5] в устойчивых и многократно повторяющихся ситуациях контактного общения близкородственных и разнотемных культур населяющих языковое пространство народов, которое создаёт фундаментальные предпосылки для появления общей психологии и философии, методологии оценки действительности и методики поступков и действий конкретного социума и конкретной языковой личности в определённых исторических условиях. Для сохранения национального языка и единства национального государства необходимо не «подгонять» граждан страны под стандарты «титულიной» языковой системы (один государственный язык), а учитывать длительную и устойчивую историю языковых отношений и контактов разных языков, создающих и продуцирующих общее мировосприятие различными языковыми формами и средствами. Вот

почему соответствие политических решений и действий матрице развития языковой истории конкретных регионов является главным условием стабильности общественных отношений в государстве и объективным подтверждением правильности национальной и регионально-языковой политики.

Исходя из того, что языковая история Донбасса изначально была связана со Степью и формировалась в условиях неограниченной во времени и пространстве внутренней свободы, самостоятельности в принятии решений, многоликостью конфессиональности, национально-языковой и поликультурной среды, мирного сосуществования в преимущественных реалиях коллективного труда и естественно выкристаллизованных нормах межнационального общения на основе русской и украинской языковых культур (вбирающих в себя ценности любых национально-языковых образований, входящих в орбиту их жизнедеятельности), можно предположить скорое начало объективно созревшего системно-цивилизованного этапа развития Украины.

Он, по всей видимости, будет связан с расширением прав входящих в федерацию субъектов, имеющих разную степень полномочий в зависимости от специфики формирования языковой истории (республика, автономная республика, край, область). Их иерархия должна определяться не превалированием определённого языка общения (он может быть один во Львове и в Донецке, но разные языковые истории не позволяют им одинаково оценивать действительность), а исключительно границами распространения конкретной языковой истории в тех или иных регионах.

С учётом разности языковых историй вряд ли целесообразно добиваться унитарности Украины, единство которой возможно только на основе многообразия. Донбасс, имеющий оригинальный потенциал языковой истории, может претендовать на наивысший индекс полномочий, вплоть до прав самостоятельности во внешней и внутренней политике в пределах, обозначенных Конституцией.

С федерализации может начаться долгий путь Украины в реальность новой языковой истории, связанной с формированием единой нации в многонациональном и поликультурном пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гринин Л. Е. Личность в истории : Эволюция взглядов / Л. Е. Гринин // История и современность. — 2010. — № 2 (12). — С. 3–44.
2. Гумилёв Л. Н. Чёрная легенда : Друзья и недруги Великой степи / Л. Н. Гумилёв ; [предисл. В. Ю. Ермолаева]. — М. : Экспресс, 1994. — 624 с.

3. Лысяк-Рудницький И. Историчні есе : в 2 т. / І. Лисяк-Рудницький ; [пер. з англ. М. Бадік, У. Гавришків, Я. Грицака, А. Дешиці, Г. Киван, Е. Панкеєвої]. – К. : Основи, 1994. – Т. 1. – 554 с.
4. Мозговой В. И. Там, где было Дикое поле... Очерки истории Донецкого края / В. И. Мозговой, В. Г. Ляшенко ; [общая ред., предисл., сост. прилож. – В. И. Мозговой]. – Донецк : Кардинал, 2001. – 336 с.
5. Мозговой В. И. Русская культура в украинском языковом контексте. Политика и реальность / В. И. Мозговой // Вестник Российского университета дружбы народов : научный журнал. – 2010. – № 3. – С. 163–168. – (Серия «Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания»).
6. Обращение простого донбассовца с непростым письмом к Президенту, Премьер-министру, Верховной Раде, к действующей и формирующейся оппозиции на территории Юго-Восточной Украины [Электронный ресурс] // Центральное информационное агентство Новороссии Novorus.info : Политика Новороссии : 08.06.2014. – Режим доступа : <http://novorus.info/news/policy/16905-obraschenie-prostogo-donbassovca.html>.
7. Пайпс Ричард. Россия при старом режиме / Ричард Пайпс. – М. : Экспресс, 1993. – 453 с.
8. Райнер Линднер. Підприємці і місто в Україні, 1860–1914 рр. (Індустріалізація і соціальна комунікація на Півдні Російської імперії) / Лінднер Райнер ; [пер. з нім. мови ; за ред. О. М. Доніка]. – К. ; Донецьк : ПРОМІНЬ, 2008. – 496 с.

REFERENCES

1. Grinin L.E. Lichnost v istorii: Evolutsia vzglyadov [Personality in the history : Evolution of views] // Istoria i sovremennost. – 2010. – № 2 (12). – Pp. 3–44.
2. Gumilev L.N. Chornaya legenda: Druzya i nedrugi Velikoy Stepi [Black legend: Friends and foes of the Great steppe] / [predisl. V.Yu. Yermolaeva]. – M.: Ecopros, 1994. – 624 p.
3. Lysyak-Rudnitsky I. [Historical essays: In 2 vol.] / [per. z angl. M. Badik, U. Gavrishkiv, Ya. Gritsaka, A. Deshchitsi, G. Kivan, E. Pankejevoji]. – K.: Osnovy, 1994. – Vol. 1 – 554 p.
4. Mozgovoy V.I., Liashengko V.G. Tam, gde bylo Dikoye pole... Oчерки istorii Donetskogo kraя [Where there was a Wild field... Sketches of history of the Donetsk region]. – Donetsk: Kardinal, 2001. – 336 p.
5. Mozgovoy V.I. Russkaya kultura v ukrainskom yazykovom kontekste. Politika i realnost [Russian culture in the Ukrainian language context. Policy and reality] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. – 2010. – № 3. – Pp. 163–168. – (Seriya «Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavania»).
6. Obrashchenie prostogo donbassovtsa s nprostym pismom k Prezidentu, Premyer-ministru, Verhovnoy Rade, k deystvuyushchey i formiruyushcheysa oppozitsii na territorii Yugo-Vostochnoy Ukrainy [The address of simple donbassovets with the difficult letter to the President, the Prime minister, the Verkhovna Rada, to the operating and formed opposition in the territory of South-East Ukraine] [Elektronnyy resurs] // Novorus.info: 08.06.2014. – Rezhim dostupa: <http://novorus.info/news/policy/16905-obraschenie-prostogo-donbassovca.html>.
7. Payps Richard. Rossiya pri starom rezhime [Russia at an old regime]. – M.: Ecopros, 1993. – 453 p.
8. Rainer Lindner. Pidpriyemtsi i misto v Ukrayini, 1860–1914 (Industrializatsia i sotsialna komunikatsia na Pivdni Rosiyskoyi imperii) [Businessmen and the city in Ukraine, 1860–1914 (Industrialization and social communication on the South of Russian Empire)] / [per. s. nim., za red. O.M. Donik]. – K.; Donetsk: PROMIN, 2008. – 496 p.

Objectivity of language history as a decisive factor of social stability (lessons of political crisis on South-East Ukraine).

Mozgovoy V. I., PhD (Philology), Professor of Management and Economic Rights of Donetsk National Technical University, e-mail: mowi48@mail.ru; kafedra.mxp@mail.ru.

The traditional history connected with the exaggerated relation of politicians to consequences of the personal facts within the current state ideology covers with a veil the objective reasons of specific historical events and processes. In this case interpretation of history of the specific regions that don't have obvious boundaries is dissolved in the history of the states or the persons, that are influenced by narrow national or party interests.

The aim of the article is to analyze developments of language contacts in Donbass throughout the millennia, historically connected with cross-cultural dialogue of the nations and nationalities united by the general rush of industrial creation and development of the region.

From this point of view, the present stage of subjective rejection of the developed language history which was marked by attempts to impose Donbass to cultural and language norms, atypical for it (idealization of unitarity, national limitation, cultural and language uniformity, psychology of the rural owner, policy of a hysterical rusophobia and ideological intolerance) logically came to an end with war with the most ambitious region. It was provoked by ignorance of the state management of special features of language history of the country.

For preservation of unity of the national state it is necessary not to "adjust" citizens of regions to standards of "title" language system, but to consider long and steady history of the language contacts, creating and producing the general attitude by various language forms and means.

Keywords: language history, role of the personality, national language, communication and community.

Мозговий В. І. Об'єктивність мовної історії як вирішальний фактор соціальної стабільності (уроки політичної кризи на Південному Сході України).

У статті розглядаються витoki мовної історії Донбасу, обізнаність з якою надає можливість об'єктивно оцінити політичні заходи з погляду їхньої відповідності інтересам народів, що його населяють. Підлягають критиці факти ігнорування вищою управлінською ланкою мовної історії Південного Сходу України.

Ключові слова: мовна історія, роль особистості, національна мова, спілкування і спільність.